

или нескольких эпизодах жизни подвижника, в которых он нередко обнаруживает настроения, противоречащие монашескому обету, допускает даже поступки, запрещенные иноку, и лишь наказанный «божьим гневом», кается и возвращается к примерному поведению, соответствующему его «святости».

Вот Еразм черноризец (стр. 86—87). Вопреки монастырскому уставу, он сохранил после пострижения свое богатство. Это богатство он «не в милостыню сътворил», но потратил его на дорогие оклады к иконам. Для монастырского быта уже и того далекого времени характерно, как изменилось отношение к Еразму, когда он «обнища велми»: он жил теперь «небрегом никим же» и, разобиженный тем, что не получает «мзды» за истраченное имущество, «нача нерадением жити... бесчинно дньи свои препроводи». Эта правдивая картина монастырского быта сменяется «агиографическим» описанием последних дней жизни Еразма.

Принес с собой в монастырь свое богатство и герой другого рассказа — Арефа, «родом полочанин». Но он не тратил его даже на церковь: «никогда же не подаде ни единого цаты убогому, ниже хлеба, и тольми бе скуп и немилосерд, яко и самому ся гладом уморити» (стр. 88). Этим Арефа напоминает скупца, изображенного в словах «о богатых и немилостивых», «о милостыни».²⁴ И вот однажды ночью «татие покрадоша все имение его». Арефа обвиняет «неповинных», многих мучит «без правды». «Старци блаженнии», утешая его, умоляют смириться, «сий же жестокими словесы всем досаждаше». И даже пораженный «недугом лютым», он не «преста от роптания и хулы». Теперь в композицию рассказа входит агиографическая тема: Арефе в видении являються «ангельское пришествие и бесовские полки». Между ними начинается спор «о украденном злате». Бесы утверждают, что Арефа им «предан есть», так как он «похули» обокравших; ангелы обвиняют Арефу в том, что он не благодарил бога за потерю имущества. Тогда Арефа взывает о прощении, бесы исчезают, а ангелы «вписаша в милостыню погыбшее сребро». После этого видения Арефа настолько изменился «умом и нравом», что «блаженнии старци» даже удивлялись.

Не без юмора описана в одном из рассказов Симона история ссоры Тита попа и Евагрия диакона, всегда прежде удивлявших своей дружбой — «единоумием и безмерной любовью». Неожиданно они, разумеется по наущению «ненавидящего добра диавола», так возненавидели друг друга, что стали избегать встреч и не хотели «в лице видети друг друга». Как ни уговаривали их помириться, «они же ни слышати хотяще». Если Тит в церкви шел с кадилом, Евагрий «отбегаше фимиана», когда же он не уходил, Тит шел мимо «не покадив». Таким образом, в этой ссоре оба вели себя одинаково. Но когда Тит заболел, он попытался попросить прощения у Евагрия. Однако тот «жестокими словесы проклинаше его». Старцы силой тащили Евагрия проститься с умирающим, но он, «немилостивый и лютый», отказался с ним «прощения имети ни в сий век, ни в будущий». Тогда наступает обычное в агиографии возмездие: Евагрий падает мертвым, а Тит, «въстав яко николи же болев», рассказал о своем видении. Центральный эпизод и этого рассказа уводит читателя далеко от агиографического канона. Главный герой, в будущем святой, в своем характере сохраняет до предупреждающего «видения» индивидуальные черты: в ссоре он так же мелочен, как Евагрий, даже в церкви не забы-

²⁴ Скупой сребролюбец «имения не хочет ся насытити николи же пропаснаго, но утробу свою мучит гладом и тело наготою, и зимою жметя» (В. Адрианова-Перетц. Изображение «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958, стр. 21).